

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАРВСКИЙ КОЛЛЕДЖ
УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА «ПЕДАГОГ ДЕТСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В МНОГОЯЗЫЧНОЙ УЧЕБНОЙ СРЕДЕ»

Дарья Шестакова

ОБРАЗ РЕБЁНКА В ДЕТСКИХ СТИХАХ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА

Бакалаврская работа

Руководитель: лектор Елена Дерябина (PhD)

Нарва 2019

Kinnitus

Olen koostatud töö iseseisvalt. Kõik töö koostamisel kasutatud teiste autorite tööd, põhimõttelised seisukohad, kirjandusallikatest ja mujalt pärinevad andmed on viidatud.

.....Darja Šestakova

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСТВО ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.	8
1.1. Исследовательская традиция изучения творчества Олега Григорьева.....	8
1.2. Особенности детских стихотворений Олега Григорьева	12
ГЛАВА 2. ОБРАЗ РЕБЕНКА В ДЕТСКИХ СТИХАХ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА.....	18
2.1. Особенности персонажа	18
2.2. Особенности сюжетов и основной конфликт.....	25
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	43
RESÜMEE	45
ЛИТЕРАТУРА	47

ВВЕДЕНИЕ

Добро и зло, низкий быт и высокое творчество, борьба с системой и безразличность к своей жизни – в этом весь Олег Григорьев, в творчестве которого будничная, наполненная проблемами жизнь описывалась невероятно светло, с юмором и тонкой иронией. Его стихи, когда-то запрещаемые к публикации властями, сейчас всё больше находят своего читателя, приобретают огромную популярность, начинают входить в хрестоматии и школьные учебники.

Олег Григорьев (1943-1992) родился в Вологодской области, но всю свою сознательную жизнь прожил в Ленинграде (Яснов 2014: 137). Жизнь поэта во многом была непростой из-за особенностей времени, в котором он жил, его свободолюбивого характера и образа жизни, который он вёл. Михаил Яснов вспоминает: «Это был человек, в котором с предельной обострённостью запечатлелась подростковость изначально тонкого и умного, но люмпенизированного, уличного россиянина» (Яснов 2014: 138). Он имел абсолютную внутреннюю свободу, которая часто вступала в противодействие с тоталитарным режимом.

Олег Григорьев был талантлив не только в литературе, но и в живописи; также он имел тонкий музыкальный слух: «мог виртуозно воспроизводить арии из опер, следуя всем тонкостям музыкальной партии» (Яснов 2014: 141). Он был талантливым художником, однако его «изгнали из художественной школы при Академии художеств. Изгнали за то, что рисовал не то и не так. За то, что был насмешлив и скандален. За то, что имел особый взгляд, улавливающий смешную и трагичную алогичность жизни» (Яснов 2002). Его долго не принимали в Союз писателей, и только за полгода до смерти он официально стал деятелем искусства.

У Олега Григорьева был невероятный талант, своё видение мира, своя точка зрения, которую он не боялся высказывать и выражать в творчестве. «С самого начала Олег не умел и не хотел идти в ногу со всеми — ни в жизни, ни в творчестве. В унисон не получалось. Получалось по-своему» (Яснов 2014: 138).

Период его творчества пришелся на советский период «оттепели». Характерными явлениями для тех лет были отсутствие свободы творческого изъяснения, пропагандируемый властями метод соцреализма, в который Григорьев не вписывался. Как подмечает М. Яснов, «60-е — 80-е годы выпестовали в нашем обществе резкий, отчётливый тип внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всего официального,

презирающего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою, по возможности, отдалённую и отделённую от них нишу. Культура улиц и кухонь, культура тайного протеста, ёрничанья, насмешки, анекдота стала фактически культурой народа, его живым фольклором» (Яснов 2014: 140). Олег Григорьев принадлежал к поколению поэтов 1960-ых годов, к поэтам андеграунда, в разные периоды творчества входил в объединения неофициальной поэзии «Лианозовцы» и «Митьки» (Леухина 2007).

Уже в начале своего творческого пути Олег Григорьев открыл для литературы жанр коротких стихотворных страшилок, полных «черного» юмора. (Артисевич) Он писал не только детские стихотворения: Григорьев начинал своё творчество со стихотворений для взрослого читателя, но из-за гонений на поэтов-авангардистов и общей несвободы слова был вынужден переквалифицироваться в детского поэта (Черняк). Произведения поэтов «подполья» чаще всего не публиковались сразу; они печатаются и получают свое признание после того, как начинают ослабевать и сниматься запреты. При жизни У Олега Григорьева за 25 лет его творческого пути было издано всего три сборника детских стихов: «Чудаки» (1971), «Витамин роста» (1980) и «Говорящий ворон» (1989) (Лесин 2016). Остальные его произведения либо ушли «в стол», либо уже печатались после смерти.

В настоящее время творческое наследие Олега Григорьева является одним из самых востребованных в детской литературе. Его короткие стихотворения, наполненные юмором, с одной стороны, очень просты для понимания, с другой – являются многослойными, что делает эти тексты интересным объектом изучения. Многие его стихотворения разошлись на цитаты, по некоторым сюжетам сняты выпуски «Ералашей» («Гостеприимство», «Апельсин»), есть опера (по книге «Витамин роста») и мультфильм («Витамин роста») – все это говорит об их популярности, универсальном характере (Издательство). Художественная система стихотворений Олега Григорьева во многом построена на принципах эстетики абсурда с ее типичными явлениями нонсенса, парадокса, авторской иронии. Образ ребенка в детских стихах Григорьева является общим для всех его прижизненных сборников. Именно характер ребёнка, мотивы, связанные с его образом, дают нам понять всю глубину и многогранность произведений поэта.

Несмотря на популярность, поэзия Олега Григорьева для детей еще не становилась объектом монографических исследований. В связи с этим актуальной темой является рассмотрение образа ребёнка в детских стихотворениях Олега Григорьева. Анализ

образа ребёнка в детских стихах О. Григорьева позволит выявить их воспитательную и эстетическую ценность, специфику художественного мира, а также выработать методические приёмы работы с этими текстами в детском саду.

Целью работы является выявить и описать специфику образа ребёнка в детских стихах Олега Григорьева.

Для реализации цели поставлены следующие задачи:

- Сделать краткий обзор исследовательской литературы, в которой рассматриваются различные аспекты творчества О. Григорьева.
- Рассмотреть стихотворения Олега Григорьева для детей из сборников «Чудаки», «Витамин роста», «Говорящий ворон», проанализировать основные художественные приемы и особенности этих текстов через образ ребёнка.
- Выявить особенности сюжетов и конфликта в детских стихотворениях Олега Григорьева.
- Разработать краткие методические рекомендации по использованию стихотворений О. Григорьева при работе с детьми-дошкольниками.

Работа состоит из двух глав: теоретической и исследовательской, а также методических рекомендаций, введения, заключения, резюме на эстонском языке и списка литературы. В первой главе рассматриваются такие вопросы, как связь Олега Григорьева с различными литературными группировками 1970-1980-х гг., а также с поэтами группы ОБЭРИУ. Представлен обзор исследовательских работ по изучению художественных особенностей его творчества. Отдельно рассматриваются работы, связанные с выявлением темы детства в стихах Олега Григорьева.

Во второй главе представлен анализ образа ребёнка в детских стихотворениях Олега Григорьева из сборников «Чудаки», «Витамин роста», «Говорящий ворон». Рассматриваются имена детей, их портретные характеристики, темы, мотивы, связанные с образом ребёнка в стихах, характер ребёнка, его проявления, взаимоотношения ребёнка с окружающими, описан типичный конфликт, художественные приемы, через которые этот характер складывается.

В работе кратко представлены методические рекомендации для педагогов дошкольных учреждений по работе с детскими стихотворениями Олега Григорьева. Мы пишем о том, почему важно изучать его стихотворения детям-дошкольникам, и чем они будут полезны для развития детей.

В заключении сделаны выводы.

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСТВО ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

1.1. Исследовательская традиция изучения творчества Олега Григорьева

Особенностями языка и творчества Олега Григорьева занимались многие исследователи. В статьях о Григорьеве устанавливаются связь его поэзии с тем или иным литературным направлением (митьки, лианозовцы, ОБЭРИУ, авангардизм, андеграунд).

Неоавангардист, лианозовец, шестидесятник, «митёк», обэриут – все эти обозначения используются при характеристике творчества Олега Григорьева, но ни одно из них полностью не подходит этому удивительному поэту.

Некоторые учёные и исследователи (М. Яснов, И. Арзамасцева, М. Черняк, А. Леухина, и др.) считают, что в поэзии Григорьева отчётливо видны принципы эстетики обэриутов («Объединения реального искусства»). Другие же (Н. Лейдерман, М. Липовецкий, М. Трофименков, С. Савицкий) полагают, что стихотворения поэта, жившего и творившего во второй половине двадцатого столетия, сродни творчеству поэтов андеграунда 1960-х годов. Можно много спорить на тему принадлежности Григорьева к той или иной группе, но все исследователи (М. Яснов, О. Лекманов, И. Арзамасцева, С. Козлова, А. Куляпин, М. Черняк, А. Губайдуллина, М. Трофименков, А. Леухина, и др.) приходят к одному мнению, что в стихах поэта всегда присутствовала оригинальность, простота, детскость и самобытность.

Олег Григорьев начинал своё творчество во времена поэтов- «шестидесятников»: таких, как Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский и др. (Лейдерман, Липовецкий 2003: 118). Данное объединение образовалось после окончания Великой Отечественной войны, в эпоху «оттепели». Лейдерман и Липовецкий в книге «Современная русская литература. 1950-1990-е годы» рассматривают особенности творчества поэтов 1960-х годов. В 1953 году, после двадцатого съезда партии, образовалось новое поколение поэтов. Молодые поэты приняли на свои плечи ответственность за многие исторические трагедии. «Это было поколение, которое смолodu поставило вопрос о необходимости моральной перестройки общества» (Лейдерман, Липовецкий, 2003: 118). Исследователи пишут, что «шестидесятники», в сущности, восстанавливали первоначальный, идеальный смысл отношений между личностью и социумом, индивидуальной судьбой и

историей, который предполагался социалистической мечтой (Лейдерман, Липовецкий, 2003: 120).

«Шестидесятники», по мнению Лейдемана и Липовецкого, взяли на себя ответственность донести до людей понятие свободы, веры в будущее, толерантности, равенства, братства и забыть о прошлом режиме. Это те поэты, которые прошли очень трудное военное время; они видели страдания людей, их силу духа, сплоченность ради общей цели, переживания и волнения. Именно это подтолкнуло их к формированию своего собственного мнения и отношения к происходящему вокруг (Лейдерман, Липовецкий, 2003: 116-120).

Литературный критик Михаил Трофименков тоже рассматривает Григорьева в контексте творчества «шестидесятников». Однако он пишет, что «Олегу Григорьеву было 48 лет, и по возрасту он вроде бы успевал в «шестидесятники», но на самом деле существовал, как существует Алексей Хвостенко, вне любого поколения. Его любили другие «шестидесятники» за то, чего не хватало им самим: легкости, беззаботности, детскости, отрешенности от поколенческих разборок» (Трофименков). Михаил Яснов также считает, что «по частоте элитарного цитирования, связанного с запретностью судьбы или темы Григорьев пришёл на смену Вознесенскому и Евтушенко 60-х годов и Бродскому 70-х», хотя по возрасту мог бы быть и поэтом-«шестидесятником» (Яснов).

И. Н. Арзамасцева подчёркивает, что «стихотворения Григорьева, появившиеся в самом начале 1960-х годов, сразу поставили поэта в оппозицию к официальному искусству и вместе с тем обнаружили внутреннее единство с городской субкультурой, с поэтикой забытых, казалось бы, обэриутов» (Арзамасцева). ОБЭРИУ как литературное объединение существовало с конца 1920 – х годов до начала 1930 –х годов. В «Объединение реального искусства» входили такие поэты и писатели, как Д. Хармс, Д. Левин, Л. Липавский, В.Введенский, И. Бахтерёв, Н.Заболоцкий, К. Вагинов, Н. Олейников (Маслинская). Обэриуты отказывались от традиционных форм поэзии, являлись авангардистами. Н.Л Лейдерман и М.Н. Липовецкий также отмечали, что «ОБЭРИУ было авангардом, не только догадывавшимся о наступлении тоталитарной культуры, но вынужденным себя с ней так или иначе (негативно, полемически, иронически) соотносить» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 391). Поскольку творчество обэриутов было авангардным, сборники их стихотворений начали печатать только в 1960-е гг.; при жизни печатались только детские стихотворения в журналах. Отличительной чертой поэзии ОБЭРИУ была эстетика

абсурда. «По мнению Ж.Ф. Жаккара, эстетика ОБЭРИУ и эстетика европейского абсурдизма сходны в том, что в обоих случаях центральным художественным открытием является непоправимая хаотичность мира — во всех ипостасях: в личных отношениях между людьми, в социальном устройстве, в языке, в бытии» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 392).

Чаще всего творчество Григорьева сравнивают с поэзией Д. Хармса (Черняк, Леухина, Лейдерман, Липовецкий). К слову, и сам Олег Григорьев считал себя в некотором роде наследником Хармса, это мы можем понять по его стихотворению «На отшибе»:

Хармс погиб в пустыне этой,

В склеп живых сюда сойдя.

Живописцы и поэты...

Вот сподобился и я.

За высокою стеною. по

Как бессмысленный кураж,

Вдруг взрывается порою

Невеселый хохот наш (Григорьев 2018).

Поэзию Григорьева и Хармса роднит общность творческого метода, основанного на эстетике абсурда, чёрного юмора, парадокса. Оба поэта стали известны именно благодаря стихотворениям для детей. Оба в своих стихах смотрят на мир глазами ребёнка. В творчестве и Хармса, и Григорьева красной нитью пролегают темы несвободы человека, насилия над человеческой личностью. М. Черняк в статье «Петербургский акцент в литературе абсурда XX века» пишет, что «по существу, Григорьевская „игра в идиотизм“ (Л. Я. Гинзбург) продолжала элитарную литературную традицию обэриутов и традицию народной смеховой культуры, став основой формирования литературного «антиповедения», «эстетики антиэстетического», имеющей откровенно полемическую направленность по отношению к литературному официозу» (Черняк).

Несмотря на то, что между поэзией Олега Григорьева и творчеством обэриутов можно провести очень много параллелей, мы не можем говорить о полном сходстве их художественных миров. Например, М. Яснов писал: «обэриуты «доводили»

литературный абсурд до жизни, утверждая его как реальную эстетическую категорию Григорьев жизнь доводит до абсурда, обнажая низовую эстетику её реальности» (Яснов 2014: 145).

Неоспорим и тот факт, что Олег Григорьев является поэтом «кухонь» и «улиц», его стихи являются частью культуры андеграунда. Феномен андеграунда в Советском Союзе появился в конце 1960-х гг. С. Савицкий писал, что «представители андеграундного сообщества игнорировали официальные культурные нормы, их творчество имело оттенок политической оппозиционности по отношению к советскому режиму» (Савицкий: 83-84). «Подпольная культура», главным принципом которой является свобода эстетического поиска, появляется из-за политики власти, которая запрещала свободу самовыражения. М. Я. Бокова верно подмечает, что «представители литературного андеграунда, несмотря на запреты и гонения, смогли не только создать свободное общество в обществе несвободном и закрытом, но и нанесли, казалось бы, едва уловимые удары по прежде единой советской идеологии и культуре» (Бокова).

У культуры андеграунда стали образовываться направления, группы людей, которых объединял один стиль написания. Одним из таких направлений были поэты-лианозовцы. Это название возникло от названия посёлка Лианозово, где проживал художник Оскар Рабин и где впоследствии собирались все представители этого направления: тесть Рабина поэт и художник Евгений Кропивницкий, его сын Лев Кропивницкий, Генрих Сапгир, Всеволод Некрасов, Игорь Холин, Ян Сатуновский (Лейдерман, Липовецкий 2003: 391). Эти поэты писали в разной манере, но их объединяло одно тематическое направление – барачный быт, «низкая» повседневность и схожий язык написания стихов – язык непоэтический, который можно было услышать в повседневной жизни на улицах, в магазинах, язык простого «маленького» человека. «По мнению Вл. Кулакова, «лианозовцы» не пытались «непосредственно возродить подлинное, досоветское» искусство, а избрали противоположную стратегию — «не бежали от окружающего абсурда, а пошли ему навстречу, спровоцировав лобовое столкновение... Заговорив на безнадежно мертвом, преступном языке социума, искусство обрело новую жизнь и, как следствие, — новый, живой язык» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 397).

Ещё одно объединение советского андеграунда, с творчеством которого исследователи сравнивают поэзию Олега Григорьева - группа «Митьки», которая образовалась в 1980-е годы. В эту группу входили поэты, музыканты, художники,

писатели. Характерные черты стиля «Митьков» – народность, доброта, легкомысленность, жалостливость, любовь к ближнему, простота в одежде. (Митьки). Эти принципы находят отражение в жизни и творчестве Олега Григорьева. Искусствовед Любовь Гуревич, современник Григорьева, вспоминает, что у него было чувство жалости ко всему: «Вот это воронье гнездо у него вообще в серванте стояло, я его сама видела. Жила змея в банке, какая-нибудь птица со сломанным крылом могла у него оказаться» (Гуревич). Современники вспоминают, что Григорьев был сердобольным, жалостливым и добрым человеком, особенно к птицам и животным.

Трофименков также пишет о том, что художники – «митьки» считали Григорьева своим: «Григорьев, конечно же, был настоящим митьком, который никого не хочет победить, всегда страдает, но на жизнь не в обиде» (Трофименков).

Современный исследователь В. Г. Бондаренко пишет, что «Митьки» привлекли Григорьева в свое содружество в последние годы его творчества как «козырную карту», и ему это содружество пошло на пользу, «но играть «Митьков», также как играть «идиотиков» или еще кого-то, он был не в состоянии» (Бондаренко). Однако «поэт интуитивно уловил и сформулировал накопившийся в обществе идиотизм («игрой в идиотизм» назвала известный филолог Л.Я. Гинзбург художественные поиски «митьков», которым по духу, а во многом и по судьбе близки и искания Григорьева) — тот идиотизм, что на разных уровнях стал результатом и выражением тоталитарной государственной системы» (Яснов 2002).

Из проведенного анализа исследовательской литературы мы можем сделать вывод, что творчество Олега Григорьева настолько многогранно, что хотя и перекликается со многими группировками поэтов андеграунда, но в то же время остается уникальным в своём роде.

1.2. Особенности детских стихотворений Олега Григорьева

Олег Григорьев – один из самых загадочных поэтов-авангардистов, который стал известен благодаря своим игровым и абсурдным стихотворениям для детей

(Губайдуллина: 174). Его детские стихи вызывали много противоречий и недовольств в обществе при жизни, до конца были оценены только после смерти. Сам Олег Григорьев хотел писать для взрослого читателя, но ему пришлось стать детским поэтом из-за особенностей того времени (Черняк). А. Житенев, цитируя М. Яснова в своей работе «Эстетика и поэтика черного юмора: лирика О. Григорьева», подчёркивает, что «дети в стихах Григорьева – это окарикатуренные взрослые, с замашками записного обывателя» (Житенев 2009: 40).

В стихотворениях Олег Григорьев отображает свою жизнь: мы видим, как живёт поэт, чем живёт, о чём переживает. Он демонстрирует нам ситуации из жизни, но смотрит на них глазами ребёнка. Михаил Яснов подчёркивает следующую особенность стихов Григорьева: «Многие его произведения — это просто перечни: деталей, рецептов, фигур, движений, параграфов, школярских выходов, рабочих операций. Примитивистский взгляд художника дотошно вычленяет, что, как, каким образом сделано и устроено. Это простодушный порыв любым путём, пусть в игре, уйти от действительности; причём, как правило, фиксируется уже произошедшее изменение — смешное и нелепое, и это грустная клоунада» (Яснов 2014: 148).

Все исследователи сходятся в одном: язык григорьевских стихотворений уникален, его мысли непохожи на других поэтов, он привносит в поэзию что-то новое. «Писатель Виктор Голявкин вспоминает: настроение его стиха, как правило, неординарно. А я считаю, писатель или поэт с того и начинается, что мыслит не в общепринятом русле. По крайней мере, для нашего времени так было лучше (может быть, это мнение не навсегда). Олег Григорьев задал новое направление художественной мысли» (Яснов 2014: 139-140). По мнению А. Леухиной, Григорьеву присущ «такой язык, который продуцирует новые смыслы, так как он ставит под вопрос моральные и эстетические конвенции, актуализируя парадоксальное, абсурдное, антикультурное в противовес «нормальному», культурному» (Леухина 2008).

Детские стихи Григорьева интересны не только детям, их очень любят читать и родители, чтобы понять логику, ход мысли детей и хоть на мгновение снова посмотреть на мир глазами ребёнка. Е.В. Хворостьянова очень правильно подметила: «детская поэзия Григорьева – это поэзия не для тех, кому ещё предстоит кем-то стать (“взрослым”, человеком”, “строителем светлого будущего” и т. д.), а для тех, кто уже состоялся как личность, кому не вопреки, но благодаря их возрасту, доступна и –

главное – интересна вся сложность физического мира, языка и человеческих эмоций» (цит. по: Черняк).

Справедливо отметить, что статей, в которых Григорьев рассматривается как детский поэт, очень немного. В основном о его детских стихотворениях пишут М. Яснов и А. Губайдуллина, немного затрагивают эту тему А. Леухина и Е.В. Хворостянова.

А. Губайдуллина в своей исследовательской работе «Онтология и деонтология детства в лирике Олега Григорьева» рассматривает проблемы морали, нравственности, этики, которые представлены в детских стихах поэта. В начале статьи она ставит очень интересный вопрос о парадоксе поэтов авангарда, которые провозглашают отсутствие «должного», и детской поэзии, которая подразумевает знакомство с долженствованием (Губайдуллина: 174). Интересно, что Олегу Григорьеву удается донести до читателя-ребёнка свои стихотворения чистыми и светлыми, хотя они обнажают и общую несправедливость жизни, и обычные бытовые проблемы.

По своему существу детские стихотворения должны чему-то учить маленького читателя, воспитывать в них положительные качества, прививать правильные поведенческие нормы и правила. Безусловно детские стихи Олега Григорьева не являются тут исключением. А. Губайдуллина, цитируя А. Литягина, подтверждает это: «назидательность детской поэзии Григорьева вполне в пределах официальной традиции, хотя выглядит привлекательней воспитательных сатир А. Барто, быть может, потому, что лишена ненависти к наивному нарушителю нормы» (Губайдуллина: 175).

В основном Губайдуллина пишет про этическую и нравственную сторону детских стихотворений поэта. «В поэтическом мире Григорьева есть „должное“ как область требований, предъявляемых к детям в форме норм» (Губайдуллина: 176). Эти нормы и правила формулируют взрослые, а именно родители, учителя, воспитатели. Эти нормы иногда оказываются ложными по нескольким причинам:

1. Правила, сформулированные взрослыми, адресованы ребёнку, но не распространяются на самих взрослых. Из-за этого ребёнок не может правильно оценить свой поступок, поскольку одно и то же действие интерпретируется как плохое для ребёнка и хорошее для взрослого.

2. С помощью этих правил взрослый может манипулировать ребёнком ради личной выгоды. Это порождает чувство несправедливости, социального неравенства.
3. Правила не могут подстраиваться под определённую жизненную ситуацию, они являются «законом». Негибкость правил порождает агрессию и несвободу (Губайдуллина 176-177).

У Григорьева ребёнок хочет черпать знания об этике поведения от взрослых, но едва ли они могут найти общий язык и взаимопонимание.

Дети в стихах Григорьева не озлоблены на взрослых, не жестоки, а добры и послушно стараются выполнить правила, которые формулируют и диктуют взрослые. Но как бы ни старался ребёнок делать всё по правилам, в итоге всё хорошее, что он делает, оборачивается «нежелательным». Это мы можем видеть в стихотворениях Григорьева «Сазон», «Редиска», «Скромность», «Радужный хозяин». Возможно, это происходит из-за того, что правила, которым надо следовать без отклонений, не могут подстроиться под конкретную жизненную ситуацию. Они сформулированы исходя не из нравственных принципов, а по букве закона. Из-за своего возраста дети ещё не могут додумать итог ситуации самостоятельно и принимают правила менторов за неотъемлемую истину. Дети следуют правилам буквально, действуют прямолинейно, чтобы выполнить правило любым способом. В стихотворении «Война» Олега Григорьева ребёнок, которому сказано, что «двойки» и «единицы» — это плохо, просто вырывает из тетради листы, где эти оценки присутствуют. Правило выполнено, но верный способ достижения не найден и результат не получен (Губайдуллина: 178).

Также по поводу своего особого взгляда ребёнка на жизненные ситуации высказывается А. В. Леухина, которая считает Олега Григорьева ярким представителем примитивизма. Не лишним будет пояснить, что характерными чертами примитивизма, проявления которых мы видим и в детских стихах Олега Григорьева, являются: создание центрального образа ребёнка и конструирование сознания ребенка, просторечие, чёрный юмор, абсурд, «неофициальность» и т.д. «Для детского сознания не существует нормативных культурных оценок. Речь идет о детском взгляде, позиции «изнутри» детства. Ребенок считает нормой то, что для других не является нормальным» (Леухина 2008).

В стихах Григорьева дети не подразделяются на «хороших» и «плохих», не причиняют зла другим; всё их поведение зависит от ситуации, в которой они оказываются. «Золотое правило нравственности в детской поэтике Олега Григорьева звучало бы так: „Поступай по отношению к другим так же, как они поступают по отношению к тебе “» (Губайдуллина: 182).

Исследователи имеют разные мнения по поводу имен, которыми Григорьев наделяет детей-героев. Губайдуллина, например, считает, что «детям даются имена, свидетельствующие о ненормированном поведении, намекающие на то, что ребёнок делает всё «не так, как надо»: «Мальчик Шмяк», «Девочка Шлеп» (удары, которые принимаются на себя или распространяются)» (Губайдуллина: 182). В этом есть своя истина, однако «говорящих» имен у Григорьева не так уж много, в основном он использует стандартные имена и фамилии. М. Яснов пишет, что «персонажи стихов Григорьева не имеют имён. И в детстве, и во взрослости они кричатся по фамилии. Фамилии подчёркнуто массовые, рядовые, бесцветные: Клыков, Петров, Сизов... В детских стихах эти персонажи олицетворяют нелепый идиотизм школьной жизни» (Яснов 2014: 143). И действительно, в детских стихах на школьные темы в основном встречаются фамилии, однако нередко автор называет своих героев и по именам.

Губайдуллина считает, что «все детские стихи Олега Григорьева можно разделить на две группы: очевидно дидактические (которых количественно меньше) и лишённые явного воспитательного пафоса» (Губайдуллина: 183). В первой группе стихов мы как будто бы можем наблюдать хорошее и плохое поведение ребёнка, но на самом деле автор не даёт конкретных оценок поведению героев, он просто наблюдает картину как бы со стороны, показывая нам различные (положительные или отрицательные) последствия действий, любой результат которых приемлем. Относительно второй группы Губайдуллина отмечает, что Григорьев воспитывает ребёнка не через наказание кем-либо (человеком, обществом), а через внутренние переживания самого ребёнка, то есть если ребёнок плохо поступает, то плохо от этого будет ему самому (Губайдуллина: 183-184).

Дети в стихах Григорьева очень близки с природой, часто «превращаются» то в насекомое, то в птиц. Они умеют общаться, договариваться с природой и ей же порой и наказываются за неправильные поступки. Как заключает Губайдуллина, дети должны быть открыты и внимательны к жизни. Поскольку дети ещё не могут отвечать за себя в полной мере, не являются самостоятельными личностями, у них ещё не

сформированы нравственные принципы, то они слушают своё сердце и принимают знаки природы (Губайдуллина: 189).

Михаил Яснов тоже подмечает единение ребёнка с природой и подчёркивает: «в стихах и рисунках Григорьева всё постоянно превращается: человек — в насекомое, птицу, дерево или в какой-нибудь предмет, добро — в зло, воспарение — в падение, даже рифма, благодаря глубине или омонимичности, часто превращается в сюжет стихотворения» (Яснов 2014: 148).

Олег Григорьев любил детей, природу, жизнь. В своих детских стихотворениях он демонстрирует это без ложной скромности. Язык его стихотворений разнообразен и интересен. Он смотрел он на мир глазами ребёнка, и вслед за его героями мы можем с юмором посмотреть даже на сложные жизненные ситуации. Абсурд, нонсенс, чёрный юмор – всё это заставляет вникать в его произведения, а не просто поверхностно читать. Григорьев – поэт с отличным чувством юмора, который шутит над собой, над своими героями, над абсурдностью и нелепостью жизни.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ РЕБЕНКА В ДЕТСКИХ СТИХАХ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА

2.1. Особенности персонажа

Объектом нашего исследования является образ ребёнка в детских стихах Олега Григорьева. Рассмотрим обобщенный образ персонажа, основные ситуации, в которые он попадает, а также наиболее яркие стороны детского характера, проявляющиеся в разных сюжетных ситуациях, типичные конфликты, сопутствующий им эмоциональный фон.

Большинство стихотворений Олега Григорьева написаны от лица ребенка. Поэт представляет нам его поведение, характер, взгляд на окружающий мир. Автор не только описывает жизнь детей, он акцентирует внимание именно на детской реакции на какую-то бытовую проблему. Различные повседневные жизненные ситуации описаны глазами ребёнка, с типичной детской реакцией. Григорьев создает образ ребенка, используя определенные художественные приёмы.

Несмотря на то, что зачастую Григорьев строит сюжет стихотворения вокруг какого-то конфликта, проблемы, описывает несправедливость жизни, читатель не ощущает трагичность ситуации благодаря юмору, каламбуру, поэтике абсурда и парадокса.

Образ ребёнка в детских стихах Григорьева просматривается с двух сторон: большая группа стихотворений написана от лица лирического «я», в текстах другого типа ситуация представлена от третьего лица. С одной стороны, ребёнок сам описывает какое-то событие своей жизни или эмоцию, с другой он является героем стихотворения. В любом случае ребёнок, пусть и косвенно, но присутствует в стихах, являясь наблюдателем или участником ситуации. Нередко героев несколько: они ведут между собой диалог, что делает образы более доступными для понимания детьми. Если стихотворение написано от третьего лица, образ ребенка все равно угадывается благодаря особенностям детской речи, неправильности произнесённых выражений, а также наивному взгляду на мир.

Стихотворений, которые написаны от третьего лица (где мы наблюдаем за героем-ребенком со стороны) гораздо меньше, чем тех, где ребёнок непосредственно является главным героем:

С длинным батоном под мышкой

Из булочной шёл мальчишка,

Следом с рыжей бородкой

Пёс семенил короткий.

Мальчик не оборачивался,

И батон укорачивался. (Григорьев)

В этом стихотворении ребёнок наблюдает комическую картину: пёс тихонько ест батон мальчишки, который этого не видит. Повествование идёт от лица ребёнка, поскольку описание самой ситуации не соответствует правильному взрослому слогу, и речь идёт также про мальчишку. Тут же мы видим и игру слов «длинный-короткий», и нелепость жизненной ситуации, и, безусловно, юмор.

Типичный герой детских стихотворений Олега Григорьева – это мальчишка-озорник. У него, как правило есть семья: мама, папа, бабушка, дедушка, иногда сестра, есть друзья мальчишки (и реже девчонки). Попадая в разные жизненные ситуации, он открывает для себя мир. Он смотрит на жизнь ещё незамутнёнными из-за прожитых лет детскими глазами. Герой Григорьева не отягощен горьким жизненным опытом, ориентированием на устоявшиеся нормы, правила и мораль. Это чистый, чуткий, открытый мальчуган, который умеет размышлять над появляющимися задачами и жизненными трудностями.

- Чего ты трясешься?

Ты, видимо, трус.

Разве можно бояться коров?

- Я не трус, я не трус,

Я коров не боюсь,

А боюсь только их рогов. («Трус») (Григорьев)

Героя детских стихотворений Олега Григорьева можно порой назвать чудаком: иногда это абсолютный ребёнок, а иногда взрослый-чудак, сохранивший детский взгляд на мир, некоторую наивность, а также грустную иронию.

Тонет муха в сладости

В банке на окне.

И нету в этом радости

Ни мухе и ни мне. (Григорьев)

Такого же чудака и фантазёра мы наблюдаем и в стихотворениях «Врун», «Уж я бегал, бегал, бегал» у предшественника Григорьева Даниила Хармса.

Возраст героя Григорьева в разных стихах разный: есть и совсем маленький ребёнок, иногда представлен школьник начальных классов, а также взрослый-ребёнок.

Герои в большинстве стихотворений называются Григорьевым по фамилии, иногда по имени, реже используется и фамилия, и имя. Фамилии очень стандартны, незамысловаты, выбраны в основном случайным образом и никак не связаны с характером либо с ситуациями: Петров, Сазонов, Сидоров, Клоков, Пышкин, Кадыков.

Весь день Петров на верстаке

Строгал брусок рубанком.

А Кадыков невдалеке

Пиная ногой жестянку. («Кому что?») (Григорьев 2017: 62)

Григорьев даёт мальчикам простые, самые распространённые имена: Петя, Коля, Саша, Серёжа, Слава, Боря.

Мы с Серёжей, Колей, Сашей

Бегали в пятнашки,

Руки выпачкали сажей,

Пачкали Рубашки. («Пятнашки») (Григорьев 2017: 26)

Это стихотворение про трёх друзей-озорников насквозь пропитано детскостью, наивностью, беззаботностью. Дети не задумываются над последствиями, им хорошо и весело здесь и сейчас. В отличие от взрослых, они не обременены мыслями об исправлении своей шалости, они абсолютно счастливы.

Ребёнок интересен Григорьеву прежде всего с точки зрения эмоционального восприятия мира – чистого, яркого, свежего. В его детских стихотворениях есть абсолютно светлые эмоции, оптимистические, радостные, незамутнённые

отрицательным взглядом на жизнь, но также можно найти стихотворения, написанные с долей грустинки и разочарования.

Примеров стихотворений, где ребёнок смотрит на жизнь с оптимизмом и чистой радостью, довольно много. Например, четверостишие «Упало мыло в суп с лапшой»:

Упало мыло в суп с лапшой.

В котле возник пузырь большой.

- Вот это суп! - кричат друзья.

Красивый суп, да есть нельзя... (Григорьев)

Ребёнок в стихотворении оптимистично смотрит на нелепую бытовую ситуацию, произошедшую с ним и его друзьями. Кусок мыла упал в суп, для взрослого – это неприятность, суп испорчен. Взрослый бы расстроился, даже разозлился, а дети в стихотворении Григорьева просто рассматривают эти радужные круги и совершенно не огорчаются. Ребёнок творчески подходит к случившейся неудаче, воспринимает её с точки зрения совершенного оптимизма, а не рационально. Этим и отличается типичное взрослое восприятие жизни от детского: беспомощный в быту ребёнок с юмором оценивает нелепость ситуации и воспринимает её творчески, а «взрослое» поведение более прагматично и стандартно.

Такой же абсолютно творческий подход к жизненной ситуации ребёнок проявляет и в стихотворении «Красил я дверные створки»:

Красил я дверные створки,

До кино остался час,

Зацепил ногой ведерко,

Краска лужей растеклась.

Растеклась, так растеклась -

Это ж краска, а не грязь.

Отложу поход в кино,

Пол покрашу заодно. (Григорьев)

Очень подкупает в этом стихотворении то, что ребёнок в ситуации, когда взрослый бы разозлился, сохраняет полный оптимизм, ищет положительные моменты в

случившемся: «это краска, а не грязь», «пол покрашу заодно». Он не расстраивается, очень позитивно принимает ситуацию как новое задание, новую «игру».

К этой же категории стихов, схожих по позитивной эмоции восприятия жизни, можно отнести и стихотворение «Сидоров»:

Ложкой мешая в кастрюле,

Сидоров ел крахмал,

Раскачался на стуле

И на затылок упал.

Лежал на полу он и думал,

Ложкой себя скребя:

«Как хорошо, что костюма

Нет ещё у меня». («Сидоров») (Григорьев 1997: 104)

Ребёнок здесь также старается найти положительные моменты в неудаче: «хорошо, что костюма нет ещё у меня». Сохраняя непосредственность и открытость восприятия, ребёнок не огорчается и не злится, а ищет во всём свои плюсы.

Ещё одно стихотворение, где ребёнок проявляет творческий подход к жизни, не обращая внимание на общепринятые правила и нормы, – «Лед»:

Чтоб на льду не растянуться,

Лёг Сазонов на живот:

Ведь не может поскользнуться,

Кто не ходит, а ползёт. («Лёд») (Григорьев)

Григорьеву удивительно тонко удалось передать детскую непосредственность решения этой проблемы. Ведь, если задуматься, в данном стихотворении присутствует очевидная логика, которая в голову взрослого человека вряд ли бы пришла. Если лежать на животе на льду, действительно невозможно поскользнуться. Детское решение данной задачи просто и понятно, очевидно и логично, в отличие от взрослого, который, опираясь на нормы жизни, свои знания, начал бы выдумывать сложные манипуляции. Ирония и юмор данного четверостишия очевидны с первых строк.

Однако есть у Олега Григорьева и такие стихотворения, где ребёнок начинает грустить от ситуаций недопонимания, одиночества, неприятия установленных взрослыми правил. Следует заметить, что такие стихотворения в основном строятся вокруг уже повзрослевшего героя, вышедшего из дошкольного возраста:

Папа вазу опрокинул:

Кто его накажет?

- Это к счастью, это к счастью, -

Всё семейство скажет.

Ну, а если бы к несчастью

Это сделал я!

- Ты разиня, ты растяпа! -

Скажут про меня. («Ваза») (Григорьев)

В стихотворении «Ваза» есть ощущение, что ребёнок грустит. Это происходит из-за разницы отношения ко взрослому и ребёнку. Ему уже понятны правила и нормы, установленные дома: разбить вазу ребёнку – это плохо, а взрослому – нормально. Герою абсолютно не ясно, почему, а главное, чем он отличается от взрослого, почему один и тот же поступок воспринимается по-разному в зависимости от того, кто его совершил. Эта эмоция грусти вырастает из недопонимания, из чувства фальши взрослых эмоций. Взрослые придумали правила, которым сами не собираются следовать, отсюда и начинается детское разочарование в жизни.

Нотку грусти можно уловить и в стихотворении «Упал я».

Упал я – вот неудача!

Кругом же смех вместо плача. (Григорьев 1997: 20)

Тут уже ребёнок грустит из-за неприятия жестокости мира, окружающих людей. Ведь если человек упал и ему больно, разве можно над ним смеяться? Еще чистая детская наивность и ранимость не позволяют герою принять жестокость людей, поэтому и появляются в стихотворении нотки отчаяния.

В стихотворении «Несчастье» ребёнок очень расстроен из-за того, что сам невольно наказывает себя из-за шалости – он лишается желаемой вещи.

У Клокова Коли несчастье в школе:

Портфель он, как мячик, ногою пинал,

Задачник разорван, будильник расколот,

Утерян дневник, апельсин и пенал.

Портфеля не жалко, будильника тоже,

Пенал ещё лучше у бабушки есть,

А вот тугой апельсин толстокожий?..

Да, апельсина сегодня не есть. (Несчастье) (Григорьев2017: 63)

В данном стихотворении чувствуется грусть ребёнка, досада: у него несчастье – апельсин, который так хотел Коля, из-за его плохого поступка он не съест. Причём в данной ситуации пострадало очень много вещей, но огорчение и «наказание» принёс именно ценный для ребёнка предмет. Григорьев показывает нам настоящего ребёнка, который может очень сильно расстраиваться из-за мелочей, дорогих сердцу, но не замечать серьёзных потерь.

В целом все стихотворения Олега Григорьева с героем-ребенком отличаются оптимизмом, но есть тексты, где ребёнок грустит от несправедливости и даже жестокости окружающего мира взрослых. В поэзии Григорьева дети открыты, свободолюбивы и внимательны к жизни, поэтому они влюбляют в себя читателя. Стихотворения читаются легко, на одном дыхании, они полны иронии и юмора, содержат удивительные сюжеты и неожиданные концовки.

Основные качества характера и эмоции, из которых складывается образ ребенка – это оптимизм, чистая радость и творческий подход, открытость миру, вместе с тем ранимость, чуткость, тонкость душевной организации. Ребёнок в детских стихах Олега Григорьева настоящий, ещё неиспорченный обществом и не разочарованный жизненными обстоятельствами.

2.2. Особенности сюжетов и основной конфликт

Основные темы детских стихотворений Григорьева связаны с единением ребёнка с природой, школьными ситуациями, нелепыми жизненными случаями. В них хорошо прослеживается образ ребёнка, его характер, поведение и эмоции.

Очень часто сюжет стихов Григорьева строится вокруг нелепой бытовой ситуации, которая является источником комического. Поэт нередко описывает даже самые незначительные ситуации из жизни, на которые другой человек даже не обратил бы никакого внимания. Это могут быть какая-то мелкая неудача, бытовая проблема, недопонимание, препятствие. Попадая в нелепые ситуации, ребёнок в стихах Григорьева не отчаивается, не унывает, а сохраняет позитивный, оптимистический взгляд на жизнь, подходит к решению таких небольших проблем творчески.

Бытовые ситуации всегда, как и все остальные сюжеты в детских стихотворениях Григорьева, поучительны. Как известно, дети очень хорошо запоминают то, что для взрослого обыденно, случалось уже огромное количество раз и теперь не представляет никакого интереса. Поэт удивительно легко вживается в образ ребёнка и показывает нам его образ мыслей, чувства, эмоции. Именно благодаря такому подходу дети с удовольствием читают его стихи, ведь это так близко их мышлению и пониманию мира.

Николай вспугнул пчелу,

Побежал по саду.

Наступил он на метлу,

Врезался в ограду.

Звонко хлопнула метла,

Да с такою силой,

Что уж лучше бы пчела

Колю укусила. (Григорьев)

Сюжет стихотворения основан на мелочи жизни, которая происходит с каждым человеком. Коля, герой стихотворения, всеми возможными способами пытается избежать укуса пчелы. Автор показывает парадокс данной ситуации, который

заключается в том, что герой испытывает гораздо больше неприятностей, избегая боли укуса, нежели если бы его просто укусила пчела. Если выбрать только глаголы из стихотворения, то получается: «вспугнул», «побежал», «наступил», «врезался», «хлопнула», «укусила». Автор демонстрирует финальным глаголом одно очевидное последствие данной ситуации – «укусила», если бы Коля не начал действовать. Хотя сюжет этого стихотворения смело можно отнести к разряду трагикомических, мы переживаем за Колю. Автор же, вероятнее всего, иронизирует над непродуманными действиями героя.

Стихотворение «Шторы» также рассказывает о незначительном (для взрослого) моменте жизни ребёнка, который для него является очень запоминающимся, из которого он выносит для себя какой-то жизненный урок.

Однажды я в шторы закутался,

Стал раскутываться и запутался.

Зато распутывался так старательно,

Что запутался окончательно.

Видимо, штора пошла винтом,

Но понял я это только потом.

Когда оторвалась штора,

Запутался я в которой. («Шторы») (Григорьев)

В этом стихотворении так часто повторяются глаголы «путаться» и «кутаться», что мы сами как будто «запутывается» вместе с ребёнком. Герой, играя, попадает в сложную для него ситуацию, из которой сам пытается выбраться как умеет. В этом проявляется характер ребёнка: мы наблюдаем такие качества, как самостоятельность, решительность, старательность. Ребёнок доводит начатое дело до конца, а не пугается и зовёт взрослых на помощь. Финал, конечно, не совсем тот, на которой мог бы рассчитывать ребёнок, но жизненный урок получен, усвоен и выводы сделаны.

Стихотворения Григорьева интересны детям, потому что они очень близки ребёнку по эмоциональной реакции, в них сконцентрированы радость жизни и детский оптимизм.

Если вы на качели сели,

*А качели вас не качали,
Если стали кружиться качели,
И вы с качелей упали,
Значит, вы сели не на качели это ясно.
Значит, вы сели на карусели,
Ну и прекрасно! (Григорьев)*

Ситуация этого детского стихотворения - также абсолютный пустяк, но важен не сюжет, а эмоциональный позитивный фон, оставляющий радостное послевкусие после прочтения. В отличие от взрослого, если ребёнку поменяли условия в ситуации, если вдруг что-то пошло не так, как хотелось, то всё равно ребёнку «прекрасно». Если не качели, а карусели, то он в любом случае будет продолжать кататься и получать удовольствие от катания.

В детских стихах Григорьева очень часто происходит открытие и освоение мира чистым, ещё неиспорченным ребёнком-чудаком. Есть у него стихотворения, где присутствует так называемая «странная логика». Автор порой строит текст с точки зрения детской психологии, парадоксально, отрешаясь от житейской логики:

Мой приятель Валерий Петров

Никогда не кусал комаров.

Комары же об этом не знали

И Петрова часто кусали. (Григорьев)

Григорьев пишет так, как никогда бы не выразился взрослый человек. Он удивительно точно передает ситуацию глазами ребёнка. Словосочетание «не кусал комаров» поддается только детской логике, так могут умозаключать исключительно дети.

Ещё одно очень интересное стихотворение, в котором герой демонстрирует типичное поведение ребёнка в бытовой неудаче, не поддающееся логике взрослого человека:

Я сам себя в пальто одел

И рукавом свой нос задел.

Решил пальто я наказать

И без пальто пошёл гулять. (Григорьев)

В данном стихотворении Григорьев использует приём остранения. Автором этого приёма является В. Шкловский, который поясняет его значение так: «целью образа является не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „виденья“ его, а не „узнавания“» (Шкловский). В данном стихотворении ситуация описывается с точки зрения логики ребёнка. Взрослый никогда не скажет, что он хочет «наказать пальто», а ребёнок, которому тяжело надеть пальто, может так выразить свою мысль. Для него эта обычная бытовая ситуация является настоящим испытанием. Он «наказывает» пальто тем, что идёт гулять, так и не надев его. Детям свойственно не признаваться в собственных проступках, а сваливать вину на другого человека. В данном случае виноватым оказывается неодушевлённый предмет – пальто. Абсурдность поступка проявляется в том, что наказание получает тот, кто наказывает, то есть ребёнок наказывает сам себя. Герой в стихотворении самостоятельный, решительный, но не думающий о последствиях.

Такое же проявление характера ребёнка прослеживается и в стихотворении «Пьёт оса кисель из чашки». Ребёнок проявляет решительность, смелость, но не задумывается о возможных последствиях. Герой как бы сопоставляет себя с осой: он такой же маленький, также может пить. Тем самым он уговаривает себя не бояться осу:

Пьёт оса кисель из чашки,

Ловко сидя на краю.

Мне нисколечко не страшно –

Я с другого края пью. (Григорьев)

В данном случае, помимо приёма остранения, Григорьев также нарушает и норму языка в слове «нисколечко», ведь взрослому человеку не прошло бы в голову так выразиться. Тем самым Григорьев имитирует речь ребёнка. Автором очень органично переданы детское восприятие и речь. Когда дети читают это стихотворение, то узнают себя, своё восприятие жизни. Тем самым они проживают ситуацию вместе с героем.

Обычную нелепую бытовую ситуацию мы наблюдаем и в комическом стихотворении «Напугал»:

Я забрался под кровать,

Чтобы брата напугать.

На себя всю пыль собрал.

Очень маму напугал! («Напугал») (Григорьев 1997: 28)

Герой этого произведения - маленький ребёнок, возраст которого мы примерно можем обозначить как дошкольный. Скорее всего, это маленький мальчик, который просто хотел поиграть с братом, не думая о каких-то последствиях, ограничениях и прочей «ерунде», о которой обычно заботятся взрослые. Стихотворение лишено морали и назидательности, что очень ценно, поскольку, читатель-ребёнок сам волен сделать для себя определённые умозаключения.

Очень ярко описаны два противоположных характера героев в небольшом рассказе «Апельсин». Хотя это произведение и не является стихотворением, данная «сценка» входит в первый сборник Олега Григорьева «Чудаки». На основе этого текста был сделан выпуск журнала «Ералаш». Очень хорошо здесь описывается показательно-воспитательная бытовая ситуация и просматриваются детские характеры:

Коля сидит на бревне и ест апельсин.

Дольку за долькой. Приходит Петя.

- Вкусно? - спрашивает Петя.

- Ещё как, - отвечает Коля.

- Эх, - говорит Петя, садясь рядышком. - Если бы

у меня был апельсин, я бы обязательно с тобой поделился.

- Да-а-а, - сказал Коля, доедая апельсин, - жаль,

что у тебя нет апельсина. (Григорьев 1997: 157)

В сценке происходит диалог между двумя мальчишками, один из которых «хозяин ситуации», а второй несколько раз тонко намекает о своём желании тоже попробовать апельсин. Но поскольку герои – дети, то, очевидно, они воспринимают все слова буквально. Коля так увлечён поеданием апельсина, что просто не хочет задуматься над словами Пети, поэтому мы не можем сказать о нем, что он жадный, злой и насмехается над другом. Наверное, первый герой в этой сценке несколько эгоистичный, но в тоже время он эмпатичный, переживает, что у друга нет апельсина.

Второй отличается тактом, скромностью, может держать себя в руках даже в ситуации, когда всё идёт не так, как он хочет.

Целый блок стихотворений Олег Григорьев посвятил школьной жизни, её нелепым скучным правилам, которым так не хочется следовать. Особенно поэт высмеивал ситуации, касающиеся абсурдности конфликта учителя с учениками. Именно в этих стихах мы можем хорошо разглядеть проявления характера ребёнка, поскольку он является непосредственным участником действий. Такие стихотворения будут полезны и дошкольникам, поскольку им интересно, что же их ждёт впереди, какие тайны и секреты хранит школа, какие сюрпризы и неожиданные ситуации могут ожидать в её стенах.

У дома учитель стоит,

Что нам это сулит?

-По всей вероятности,

Одни неприятности. («Прогноз») (Григорьев 2017: 58)

Стихотворение «Прогноз» сразу даёт нам понять, что учитель – это не друг ученика, а ментор, который раздаёт правила, следит за их выполнением и наказывает, если они не выполняются. Дети же, как это и положено ученикам, боятся учителя и всячески стараются угодить его наставлениям, хоть и не понимают до конца истинности всех правил. Это мы можем наблюдать и в стихотворении «Что ты делаешь?»

-Что ты делаешь?

-Двойку стираю.

-Я этого не одобряю.

-А как ты сам поступаешь?

-Я просто весь лист вырываю. (Григорьев 2017: 68)

В первой части стихотворения как будто бы учитель не одобряет поведение находчивого ученика, но затем мы понимаем, что это два ребёнка делятся друг с другом способами решения неприятной ситуации. Но делают они это по-детски, как умеют, как придумали, буквально воспринимая задачу «избавиться от двойки». Результат достигнут, но способы, выбранные детьми, не соответствуют стандартным

общепринятым правилам. Дети в этом стихотворении смелые, решительные, у них хорошо развита фантазия.

С другой стороны, в стихотворении «Йога» мы видим ребёнка, который посмел ослушаться стандартных школьных правил и тем самым стал «неудобным». Его поведение мешает учебному процессу в школе:

Я получил замечание.

Папа пришёл в восторг,

А мама в отчаяние.

«Поведение вашего сына

Внушает тревогу:

Он изучает йогу

И вместо руки подает ногу». («Йога») (Григорьев 1997: 24)

Учитель у Григорьева не считается с тем, что каждый человек индивидуален и к каждому ребенку нужен свой подход. В школе Григорьева действуют стандартные правила, которым нужно следовать. В этом стихотворении ребёнок посмел ослушаться, чем и вызвал волну гнева со стороны учителя. Но Григорьев сам не даёт конкретную оценку поведению ребёнка: с одной стороны, папа в восторге, но с другой мама в отчаянии. Автор подчёркивает, что ребёнок непосредствен, все его действия приносят только пользу, однако с другой стороны противоречат общепринятым стандартным правилам, которые придумали взрослые.

И хоть учится он на отлично,

Поведенье его не этично.

Даже можно сказать разлагающе.

Физрук под его влиянием

Ходит как-то летающе,

А учитель ботаники цветами порос. (Григорьев 1997: 25)

После прочтения стихотворения остаётся радость за то, что ребёнок не боится иметь собственное мнение. Ребёнок в этом стихотворении – волшебник, пытающийся

принести в жизнь хоть частичку разнообразия и радости, что тут же на корню обрубает учитель.

В стихотворении Григорьева «Обошлось» ребёнок, благодаря своей детской непосредственности, не относится к наказанию, как к чему-то унижительному и стыдному, он воспринимает его как должное. Тут мы наблюдаем новую черту характера героя-ребёнка – ответственность за свои поступки. Если человек совершил плохой поступок, то должен за него ответить.

- *Всё в порядке?*

- *Всё в порядке.*

- *А что в порядке?*

- *Выдернули пальму из кадки.*

- *И всё обошлось?*

- *Всё обошлось:*

Пальму заставили сунуть обратно,

И всю школу мыть пришлось. (Обошлось) (Григорьев2017: 59)

Наказание исполняется ребёнком как что-то естественное, не нуждающееся в объяснении «за что?». В силу своего возраста детям свойственно шалить, тем самым они узнают грани дозволенного, испытывают мир на прочность. В данной ситуации ребёнок говорит, что всё в порядке, исполняя наказание, то есть он осознаёт и признаёт, что был совершен плохой поступок и надо исправлять ситуацию. Ребёнок не расстроен, хоть его и «заставили», ему «пришлось».

Очень интересно написаны стихотворения, основанные на языковой игре с многозначными словами и омонимами. Такие стихотворения Григорьева также описывают различные жизненные ситуации.

Вечером девочка Мила

В садике клумбу разбила.

Брат ее мальчик Иван

Тожe разбил... стакан! (Григорьев)

В стихотворении автор играет с многозначностью глагола «разбить» («разбить стакан», «разбить клумбу»). В первом случае глагол «разбить» имеет своё прямое значение – расколоть вдребезги, разломать хрупкую вещь на мелкие кусочки с помощью удара об твёрдый предмет, во втором случае «разбить» обозначает «сделать», «соорудить», «построить». Если рассматривать образ ребёнка, то в стихотворении мальчишка-озорник совершает оплошность, в то время как прилежная девчушка занята полезным делом.

В стихотворении «Велосипед» мы также наблюдаем языковую игру с глаголом «понёс». В случае, когда «велосипед понёс», слово «понёс» обозначает то, что человек едет на велосипеде по сбившейся траектории, а когда «я понёс», то это уже обозначает «взял», «поднял на руки и пошел до определённого места».

Велосипед меня понес

Понес куда-то под откос.

Он там остался без колес,

И дальше я его понес... (Григорьев)

Ребёнок в этой ситуации демонстрирует спокойствие и непосредственность. Его не расстраивает жизненная неурядица, он с лёгкостью и детской непринуждённостью, не паникуя и не злясь, придумывает выход из ситуации.

Еще в одном тексте, основанном на игре слов, автор использует переносные значения глаголов «идёт» и «сидит»:

Без мамы купили мы с папой

В магазине пальто.

Мне пальто, а папе шляпу -

Идём домой под зонтом.

Папа идёт, сердит, -

Шляпа ему не идёт.

Я на папе сижу -

Пальто на мне не сидит. («Идёт и сидит») (Григорьев 1997: 27)

Сначала слова используются в своём прямом, часто используемом значении – человек идёт и сидит, затем в переносном, по отношению к одежде – «не подходит». Данное стихотворение будоражит нашу фантазию. Для того, чтобы представить всю картину целиком, надо хорошенько подумать.

Ещё одно двустишие с многозначным словом «волноваться». Хотя слово используется в тексте всего один раз, мы подразумеваем его дважды. В первом случае «волнение» - эмоция, во втором – колыхание вещи.

Я волновался от страха,

Как на веревке рубаха. («Волнение») (Григорьев 1997: 14)

Автор не скрывает эмоцию ребёнка, а напрямую говорит о том, что герой боится, ему страшно, но эта эмоция по-прежнему чистая, детская, открытая.

Некоторые стихотворения Григорьева построены как тексты-«загадки»:

Из дома в дом трубу несут

Весёлых пять ребят.

Смотри-ка, восемь ног идут,

А две ноги висят. (Григорьев)

Спрятавшийся герой стихотворения – мальчишка-озорник. В тексте написано, что идут пять ребят, но только один ребёнок схитрил и повис на трубе. Помимо с юмором описанной ситуации, в стихотворении кроется ещё и математическая задачка по соотношению количества человек и идущих ног.

Следующую «загадку» находим в стихотворении «Ноги и руки»:

Один человек мыл ноги,

Повесив на стул брюки.

Странно, мыл ноги,

А помылись и руки. («Ноги и руки») (Григорьев)

Вопрос состоит в том, что мы всё делаем руками (и моемся также ими), поэтому парадокса, придуманного ребёнком, в данном случае нет, стоит только решить «загадку».

Детская логика, отрешенность от взрослого восприятия ситуации придаёт стихотворению искренность. Ребёнок-исследователь узнаёт этот мир, учится поступать правильно. Он наивен и чист в своём проявлении и недоумевает, почему он моет ноги, а чистыми оказываются и руки.

Еще одно стихотворение-«загадка» по своей форме очень похоже на классическую загадку, где описывается предмет и нужно одним словом сказать, о чём идёт речь.

Стою и не верю своим глазам –

Мимо меня прошел я сам! («Мимо») (Григорьев 1997: 20)

В этом стихотворении наивный ребёнок открывает для себя новые предметы и явления в жизни, в том числе и самого себя.

Каждый ребёнок хоть раз запутывался в шторах, обмазывался вареньем, забирался под кровать, залипал в тесте, что-то портил, собирал всю пыль с кровати – это узнаваемые для ребёнка ситуации. Григорьев описывает их со светлым юмором, что очень ценно. Детские стихотворения Олега Григорьева не несут в себе горькую иронию и разочарование (в отличие от «взрослых» текстов), они светлые и юмористические.

Стихотворения Олега Григорьева хорошо запоминаются детьми за счёт знакомых каждому ситуаций. Ребёнок читает эти стихи и смеётся, поскольку они пропитаны мягким, светлым юмором, понятным детям. Очень важно, что в стихотворениях нет назидания со стороны взрослых, какой-то морали, в отличие от текстов типичных советских поэтов середины XX века (например, С. Михалкова). Григорьев пишет абсолютно игриво, без давления и постоянного поучения, чем напоминает шутивную поэзию обэриутов. Его стихи несут в себе чистую радость, светлые и грустные эмоции, чувства, лишённое назидательности.

Однако не во всех стихотворениях Олега Григорьева ребёнок испытывает только положительные эмоции. Порой между героями возникают недопонимания. Но справедливо заметить, что конфликт возникает в стихотворениях Олега Григорьева не часто. Бывает, что конфликт возникает в стихотворениях, где ребёнок является школьником. По своей сути это типично детские конфликты – драка между детьми, потеря дневника, ситуация на уроке.

В школе дрались рыжие с сивыми.

И те, и другие считали себя красивыми.

Драться кончили, когда стали лысые.

И было не понять, где рыжие, а где белобрысые. («В школе») (Григорьев)

Конфликт в стихотворениях с героем-маленьким ребёнком возникает тогда, когда он чувствует своё одиночество или испытывает грусть. В процитированном выше стихотворении «Ваза» ребёнок ощущает несправедливость и разочарование в правилах-постулатах, придуманных взрослыми, которые они сами не выполняют.

Порой конфликт возникает из-за недопонимания, абсурдности ситуации.

Я не хотел к вам в сад,

Это друзья меня лезть заставили.

-Как они заставили?

-Сами забрались в сад,

А меня одного оставили. («Сад») (Григорьев 1997: 38)

Ребёнок чист в своих проявлениях, ведем, доверчив. Он только начинает знакомиться с жизнью и её трудностями, поэтому нередко оказывается в конфликтных ситуациях не по своей вине.

Конфликт может появиться также из-за жестокости и несправедливости мира:

Налетел на меня пёс –

Вырвал из шубы клоч меха.

Но обидел меня не пёс –

А взрыв злорадного смеха. («Обида») (Григорьев 1997: 39)

Казалось бы, ребёнка обидела собака, на расстроился он из-за жестокости окружающих его людей. После такой черствости с их стороны чистая душа ребёнка начинает постепенно растаптываться.

Зачастую конфликт возникает, когда ребёнок сталкивается с миром взрослых. У Олега Григорьева было своё ощущение жизни, идея которого заключалась в том, что мир ребёнка очень хрупок. Поэт считал, что когда ребёнок рождается, он безусловно счастлив, а со временем взрослые начинают давить на ребёнка придуманными

нормами, ложью, отношениями. В некоторых стихах Григорьева очень сильно ощущается трагизм жизни:

Ревел человек в коляске.

Видно, хотел он ласки. (Григорьев)

Или в другом стихотворении:

Даже слезы текут по стеклу.

Так мне больно стоять в углу. (Григорьев)

Однако стоит отметить, что эти стихи скорее ориентированы на взрослого читателя. Поскольку они не подходят для детей дошкольного возраста, то считаем целесообразным оставить такие стихи, где чувствуется боль, за рамками данного исследования.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К сожалению, поэзия Олега Григорьева не входит в круг чтения дошкольных педагогов. Как нам кажется, это несправедливо, поскольку стихи Григорьева легко запоминаются, в них короткие строчки, понятный ритм, чёткая рифма. Они остаются в памяти с ходу благодаря этим внешним характеристикам, а также узнаваемым сюжетам. Дети эти стихи прекрасно учатся наизусть, любимы, поскольку написаны с юмором, не похожи на типичную поэзию, которая читается в детском саду. Поэтому мы считаем, что благодаря знакомству с поэзией Григорьева можно привить любовь к книге и чтению. По нашему мнению, стихи Олега Григорьева могут входить в круг детского чтения дошкольника, а именно ребёнка пяти-семи лет. На это есть ряд обоснованных, на наш взгляд, причин.

1. Привитие любви к чтению и стихотворным текстам.

Стихи Олега Григорьева можно использовать для того, чтобы ребёнок полюбил книги, чтобы он понял, что стихи весело, интересно и увлекательно читать и учить. Стихи Григорьева даже не нужно учить в общепринятом значении, поскольку они запоминаются сами.

Стихотворения Григорьева, ориентированные для детей дошкольного возраста, в основном состоят из четырёх строк (одной строфы). Четверостишия очень удобно учить наизусть. Их можно использовать как первые тексты, которые ребёнок заучивает.

2. Стихотворения Григорьева содержат понятный ребёнку сюжет и яркую чистую эмоцию, узнаваемый образ ребенка.

В текстах Григорьева присутствует оптимизм, радостное мировосприятие, свойственное маленькому человеку. Ребёнок очень ярко ощущает юмор Григорьева. Поэту удалось сохранить свою детскость, взгляд на мир глазами ребёнка. Многие тексты содержат в себе это детское восприятие («я сам себя в пальто одел», «мыл ноги, а помылись руки», «короткая собака», «апельсина не есть» и т.д.). В некоторых стихотворениях проявляются и грустные интонации, чувствуется абсурд жизни, но эти тексты скорее ориентированы на взрослого читателя. Даже в таких текстах сюжет не является трагическим, а скорее трагикомическим, поскольку описывается с большой долей иронии. Герой Григорьева – это мальчишка-озорник, порой чудака, он находит выход из любой ситуации, оценивая её с юмором. В стихотворениях

отсутствует назидательность; ребёнок сам открывает и испытывает жизнь, приобретает определённый опыт.

- Ты боишься высоты?

- Нет, нисколечко, а ты?

- Не боюсь, коль высота

Мне не выше живота... (Григорьев)

Практически всегда герой Григорьева сохраняет оптимизм, смотрит даже на жизненные неурядицы с юмором. Это четверостишие развивает смекалку, воображение. Его можно использовать для изучения частей тела, роста ребёнка, понятий «выше/ниже».

3. Стихотворения с языковой игрой могут использоваться для развития чувства языка, языковой интуиции.

У Олега Григорьева в текстах одно слово может означать разные вещи, что часто используется в стихах поэтов-авангардистов. Есть игровые тексты, основанные на игре слов, читая которые можно наблюдать за различными их значениями. «Разбить клумбу», «разбить нос» и «разбить стакан», «идёт шляпа» и «идёт папа», «сидит мальчик» и «сидит пальто», «велосипед понёс» и «я понёс» и т.д. Благодаря таким текстам начинает формироваться вкус языка, наблюдение над языком. Дети могут начать понимать, что язык – это интересно, и поэзия – это интересно. Эти стихотворения можно читать на занятиях цикла «язык и речь», обсуждая многозначность одного слова.

4. Стихотворения - «загадки» развивают логическое мышление ребенка.

Отдельные стихи Григорьева – это стихи - «загадки», которые можно загадывать детям. Они также пронизаны юмором, но несут в себе загадку, которую ребёнок может понять и отгадать или решить. Например, стихотворение «Ноги и руки», которое можно прочитать и обсудить (почему мылись ноги, а помылись руки). Сюда же относятся и все стихотворения, где в текстах фигурируют цифры. Например, «Промчался табун жеребят в двести ног, в пятьдесят хвостов...», «восемь ног идут, а две ноги висят». Можно обсудить, сколько у пяти ребят должно быть ног, сколько не хватает и почему. Эти стихи могут использоваться не только на занятиях цикла «язык и речь», но и на занятиях по математике, в цикле занятий «я и среда», на физ. минутках

или минутках, посвящённых гигиене. В таких стихотворениях всегда присутствует парадокс, который надо угадать.

Промчался табун жеребят

В двести ног, в пятьдесят хвостов,

А верхом команда ребят

В сто ушей, в пятьдесят носов. (Григорьев)

Данное юмористическое стихотворение можно использовать в интегрированном занятии «математика» + «я и среда». Ответив на вопросы: «Кто такие жеребята?», «Сколько жеребят было в табуне?», «Как «ноги» жеребят назвать по-другому?», «Почему хвостов меньше, чем ног/ушей?» и т.д., можно повторить такие темы, как «домашние животные», «части тела животного и человека», «числа».

Четверостишие Григорьева «Наоборот» педагоги детских дошкольных учреждений могут использовать на занятиях математики для изучения направлений движения, развития логического мышления, творческого подхода, фантазии.

Человек шёл спиной назад.

Ногами назад и затылком назад.

А может, он шёл вперёд?

Вперёд, только наоборот. («Наоборот») (Григорьев)

Стихотворение «Мимо» подойдёт для цикла занятий «я и среда», для изучения домашней утвари. Прочитав его, педагог может спросить «О чём говорится в данном стихотворении?». Эту загадку дети с лёгкостью запомнят, поскольку она написана с юмором и с позиции самого ребёнка:

Стою и не верю своим глазам –

Мимо меня прошёл я сам! («Мимо») (Григорьев 1997: 20)

5. Работа с ритмом и рифмой.

Стихотворения Григорьева очень легко запоминаются благодаря чёткому ритму, простой парной рифме. Даже стихотворения в две-три строфы могут легко запомниться детьми дошкольного возраста:

У Сергея нет терпенья,

Он руками ест варенье.

Слиплись пальцы у Серёжи,

Приросла рубаха к коже.

Ног от пола не отнять,

Рук от ног не оторвать.

Слиплись локти и колени.

Уши склеило варенье.

Раздаётся жалкий всхлип.

Сам к себе Сергей прилип (Григорьев)

6. Ценность творческого подхода к жизни.

Читать Григорьева можно для того, чтобы культивировать в ребёнке творческий подход к жизни: чтобы из любой ситуации ребёнок смог выйти с юмором, а на любую бытовую неудачу смотрел с улыбкой и воспринимал жизнь оптимистично. Позитивное восприятие мира нужно поддерживать и поощрять в современных детях. Мягкий юмор Григорьева очень полезен для светлой тональности восприятия жизни детьми.

Лежал я на кочке, как на вате,

Далеко-далеко от всяких подушек,

От раскладушек, перин и кроватей

И слушал пенье лягушек.

Педагог детского сада может использовать данное стихотворения для беседы о природе, спрашивать, чьи голоса дети слышали ещё в лесу. Дети могут рассказывать и делиться опытом о походах, пикниках, обогащая свой словарный и развивая умение выстраивать рассказ.

— *Кто съел пирог?*

— *Мы не ели.*

То есть мы съели,

Но не хотели.

Это все птицы.

Они прилетели

И, если б не мы,

Они бы все съели. («Пирог») (Григорьев)

7. Воспитательный момент.

Главное значение детских стихотворений Олега Григорьева для педагогов детских дошкольных учреждений на наш взгляд состоит в том, что они учат бережному отношению к ребёнку. Григорьев в своих четверостишиях говорит о том, что ребёнок – это творческий человек, стремление познания мира которого нельзя подавлять. Цель педагога заключается в том, чтоб охранять и как можно дольше сохранять детский взгляд на мир. Ценность такого видения мира проявляется в том, что ребёнок – личность. Он пока ещё наивен и смотрит на жизнь с оптимизмом.

Все стихотворения, приведённые в качестве примеров в данной исследовательской работе, мы можем порекомендовать для чтения, изучения и разбора в детских дошкольных учреждениях с детьми 5-7 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В данной выпускной бакалаврской работе был сделан краткий обзор исследовательской литературы о различных аспектах творчества Олега Григорьева, детально были рассмотрены образ ребёнка в его стихах, особенности сюжетов и конфликта, описаны самые яркие художественные приёмы. Также мы разработали методические рекомендации по использованию стихотворений поэта педагогами в детских дошкольных учреждениях.

Олег Григорьев – поэт-неоавангардист, своеобразный, непохожий ни на кого, но в то же время отражающий в своём творчестве манеру его современников «шестидесятников» и предшественников «обэриуров». Он писал стихотворения об обычной бытовой жизни, но в них всегда присутствовал яркий сюжет с неожиданной развязкой.

Детские стихотворения Олега Григорьева имеют игровой характер. Сознание детей раскрепощено и пока ещё не обременено правилами, поэтому игровое восприятие мира для детей понятно и так привлекательно. Детям-читателям очень нравится то, что взрослый человек воспринимает ситуации в этом мире так, как они, говорит на их языке. Григорьеву очень важно детское сознание, детское восприятие мира, которое он отражает в своей лирике, как будто представляя свои тексты от лица ребёнка. Ему удивительно точно удаётся передать мир глазами ребёнка, его речевую манеру.

В центре внимания в данной работе – образ ребёнка-чудака, озорника, чистого, непосредственного, открытого, ранимого, творческого и находчивого, иногда беспомощного в быту. Попадая в нелепые жизненные ситуации, он практически всегда выходит из них «победителем». Не обращая внимания на трудности, он ищет в каждой ситуации положительные моменты и играючи находит решения. Этим и отличается герой-ребёнок Григорьевской поэзии.

Типичные мотивы детской поэзии Олега Григорьева таковы: ребёнок что-то разбивает, ломает, разливает, обижается на взрослых, делает для себя открытия, взаимодействуя с природой и т.д. В этих ситуациях ребёнок проявляет себя так, как для взрослого, возможно, непонятно и неправильно, но детская чистота, открытость и миролюбие всегда подкупает читателя.

В стихотворениях Олега Григорьева мы можем видеть очень много игры слов, приёмов остранения, «странную логику». Всё это делает его поэзию привлекательной

для читателей, особенно для педагогов детских дошкольных учреждений, поскольку несёт в себе, помимо эстетической ценности, образовательную нотку (развивает чувство языка).

Хочется отметить, что дошкольные педагоги в своей работе практически не используют современных поэтов, в частности, стихи Олега Григорьева. Думаем, это происходит оттого, что на данный момент его детские произведения ещё не так хорошо изучены. В связи с этим наша работа несёт в себе методическую ценность. Результаты нашего анализа и методические рекомендации могут использоваться педагогами на занятиях. Стоит заметить, что Олег Григорьев незаслуженно обделён вниманием дошкольных педагогов. Его детские стихотворения не только очень интересны и понятны детям, но и несут в себе воспитательный и порой образовательный характер. Они любимы детьми, поскольку прекрасно учатся наизусть. Познакомившись с нашей бакалаврской работой, педагоги детских дошкольных учреждений откроют для себя детские стихотворения Олега Григорьева и узнают, как можно использовать их в учебной и свободной деятельности детей.

RESÜMEE

Bakalaureusetöö teema on „Lapse kujund Oleg Grigorjevi lasteluuletustes“.

Uurimistöö eesmärgiks on välja selgitada ja kirjeldada lapse kujundi eripära Oleg Grigorjevi lasteluuletustes.

Töö koosneb kahest peatükist: teoreetilisest ja uurimuslikust, ning metoodilistest nõuannetest, sissejuhatausest, järelausest, resümee eesti keeles ja kirjanduse nimekirjast.

Esimeses peatükis käsitletakse selliseid küsimusi, nagu Oleg Grigorjevi ühendust erinevate kirjandusrühmadega 1970-1980 aastatel, ning seost OBERIU rühma luuletajatega. On esitatud uurimistööde ülevaatus tema loomingu kunstiliste iseärasuste väljaselgitamiseks. Eraldi vaadeldakse töid, mis on seotud lapsepõlve temade seostumisega Oleg Grigorjevi luuletustes.

Teises peatükis on esitatud lapse kujundi analüüs Oleg Grigorjevi lasteluuletuste kogumikkudest „Iseärak“, „Kasvuvitamiin“, „Rääkiv rongaisa“. Vaadeldakse laste nimesid, nende portreekirjeldusi, teemasid, motiive, mis on seotud lapse kujutisega luuletuses. Vaadeldakse ka lapse iseloomu ja tema suhet lähikonnaga. Kirjeldatud on ka tüüpilised konfliktid ja ilukirjanduse viisid, mille kaudu lapse iseloom areneb.

Töös on lühidalt esitatud metoodilised nõuanded koolieelse lasteasutuste pedagoogidele Oleg Grigorjevi lasteluuletustega töötamiseks. Me kirjutame sellest, miks on tähtis uurida tema luuletusi koolieelikutele ja kuidas need on laste arenguks kasulikud.

Kangelane-laps Oleg Grigorjevi lasteluuletustes on veidrik, rüblük, puhas, loomulik, aval, tundlik, loominguiline ja leidlik, mõnikord abitu igapäevaelus. Tema poeesia tüüpilised motiivid on järgmised: laps midagi lõhub, murrab, villib, solvub täiskasvanute peale, teeb enda jaoks avastusi loodusega suhtlemisel. Sattudes mõttetutesse, tavapärastesse olukordadesse otsib laps positiivsed hetki ja leiab mängulikult lahendusi. Grigorjevile on väga oluline lapse mõistus, lapse maailmataju, mida ta kujutab oma luuletustes lapse nimel, mille tõttu muudab need väga huvitavaks.

Oleg Grigorjevi lasteluuletusi soovitan kasutada koolieelse lasteasutuste pedagoogidele, sest need:

1. poogivad armastust lugemisele ja luuletustele,

2. sisaldavad lapsele arusaadavat süžeed ja eredat, puhast emotsiooni, tuttavat lapsekujundit,
3. on kasulikud keeleoskuse ja keeletunde arendamisel (keelemänguga tekstid),
4. arendavad lapse loogilist mõtlemist (luuletused – „mõistatused“),
5. omavad selget rütmi ja riimi,
6. õpetavad loomingulist lähenemist elule,
7. kannavad endas haridusliku tausta.

ЛИТЕРАТУРА

Исследования

1. *Арзамасцева – Арзамасцева И. Н.* Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. М., 1998. [Электронный документ] URL: http://classlit.ru/publ/literatura_20_veka/drugie_avtory/biografija_i_tvorchestvo_olega_grigoreva/63-1-0-1617 Проверено 28.04.2019
2. *Артисевич – Артисевич В. А.* «Страшилки» и «смешилки» Олега Григорьева. [Электронный документ] URL: <https://agniyainteralia.blogspot.com/2013/12/Grigoriyev-Oleg.html> Проверено 28.04.2019
3. *Бокова – Бокова Я. М.* Литературный андеграунд на примере творчества московского поэта-концептуалиста Дмитрия Александровича Пригова. // Молодой ученый. 2015/ №1. С. 388-390. [Электронный документ] URL: <https://moluch.ru/archive/81/14558/> Проверено 28.04.2019
4. *Бондаренко – Бондаренко В. Г.* По адским кругам Олега Григорьева. [Электронный документ] URL: <https://biography.wikireading.ru/55769> Проверено 28.04.2019
5. *Губайдуллина – Губайдуллина А. Н.* Онтология и деонтология детства в лирике Олега Григорьева // Детские чтения. 2014. №1. С. 174-190.
6. *Гуревич – «Культурный дневник»: о живописи Олега Григорьева.* [Электронный документ] URL: <https://www.svoboda.org/a/29717562.html> Проверено 28.04.2019
7. *Житенев 2009 – Житенев А. А.* Эстетика и поэтика черного юмора: лирика О. Григорьева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 39-42.
8. *Издательство – Издательство «Редкая книга в Санкт-Петербурге».* Олег Григорьев. Стихотворения. [Электронный документ] URL: <http://www.rarebook-spb.ru/catalog/12/373/detail/> Проверено: 28.04.2019
9. *Лейдерман, Липовецкий 2003 – Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная Русская литература. 1950-1990-е годы. Том 1. 1953-1968. М., 2003. [Электронный документ] URL: <https://studfiles.net/preview/4416877/page:40/> Проверено 28.04.2019
10. *Лесин 2016 – Лесин Е.* Лесин и немедленно выпил. М., 2016. [Электронный документ] URL:

- <https://books.google.ee/books?id=x9HVDgAAQBAJ&pg=PA134&lpg#v=onepage&q&f=false> Проверено 28.04.2019
11. *Леухина 2007* – **Леухина А. В.** Олег Григорьев: поэтика примитивизма. [Электронный документ] URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/leuchina_av.doc.pdf Проверено 28.04.2019
  12. *Леухина 2008* – **Леухина А. В.** Особенности поэтики и эстетики литературного примитивизма. [Электронный документ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-poetiki-i-estetiki-literaturnogo-primitivizma> Проверено 27.04.2019
  13. *Маслинская* – **Маслинская С.** Путеводитель по ОБЭРИУ. Кто такие обэриуты и за что их любят: их стихи, выходки и вклад в литературу. [Электронный документ] URL: <https://arzamas.academy/materials/1492> Проверено 27.04.2019
  14. *Митьки* – **Митьки.** [Электронный документ] URL: <http://mitki.kulichki.com/russian/themitki/> Проверено: 28.04.2019
  15. *Савицкий* – **Савицкий С.** Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. [Электронный документ] URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/savitsky/andegrau.pdf> Проверено 28.04.2019
  16. *Трофименков* – **Трофименков М.** Олег Григорьев. [Электронный документ] URL: <http://ptj.spb.ru/archive/0/outside-theatre-0/oleg-grigorev/> Проверено 28.04.2019
  17. *Черняк* – Черняк М. А. Петербургский акцент в литературе абсурда XX века. Об эффекте нарушения формальной логики // Библиотечное дело. 2014. №24. С. 2-7. [Электронный документ] URL: <http://nlr.ru/prof/publ/bibliograf/2014/bd24.pdf> Проверено 28.04.2019
  18. *Шкловский* – **Шкловский В. М.** Манифесты «Опояза». Искусство как прием. [Электронный документ] URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> Проверено 28.04.2019
  19. *Яснов 2002* – **Яснов М. Д.** Маленькие комедии Олега Григорьева. [Электронный документ] URL: http://dob.1september.ru/view_article.php?ID=200202306 Проверено 28.04.2019
  20. *Яснов 2014* – **Яснов М. Д.** Человек зоны. Олег Григорьев // Яснов М.Д. Путешествие в Чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. СПб., 2014. С. 137-151.

Источники

1. *Григорьев – Григорьев О. Е.* Детские стихи. [Электронный документ] URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=40601> Проверено 28.04.2019
2. *Григорьев 1997 – Григорьев О. Е.* Прямо по башке. М., 1997.
3. *Григорьев 2017 – Григорьев О. Е.* Чудаки и другие. М., 2017.
4. *Григорьев 2018 – 6 декабря. Олег Григорьев - проклятый поэт.* [Электронный документ] URL: <https://chippfest.blogspot.com/2018/12/December-6th-Oleg-Grigoriev-Outcast-Poet.html> Проверено 28.04.2019

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Darja Šestakova (sünnikuupäev 25.06.1991),

1. Annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose «Образ ребёнка в детских стихах Олега Григорьева.», mille juhendaja on Jelena Deryabina, reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Darja Šestakova

18.05.2019